

Флора Торн

БЕРЕГИТЕСЬ, ТЕТЯ АДЕЛАИДА!

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т60

Оформление серии *Янины Клыга*
Редактор серии *Анастасия Осминина*
Иллюстрация на переплете и форзаце
Юлии Конопаткиной

Торн, Флора.
Т60 Берегитесь, тетя Аделаида! / Флора Торн. —
Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-244952-9

Аделаида Уотерхейм — уважаемая дама с безупречными клумбами и толпой поклонников ее «цветочных» детективов. Но когда умирает ее сосед, известный селекционер, она не торопится вмешиваться, ей нужно срочно дописать роман, чтобы обойти конкурентку. Зато охотно вмешивается ее безответственный племянник Герхард, приехавший к тете отдохнуть. За время расследования они случайно открывают загадки послевоенной Англии и чудом избегают неприятностей.

Добро пожаловать в уединенный Литтл-Милфорд, здесь каждый шаг по газону может привести к раскрытию убийства.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-244952-9

© Торн Ф., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ПРЕДИСЛОВИЕ

Англия конца сороковых и начала пятидесятих годов была страной, где из руин восставляли не только кирпичные стены, но и удивительное героическое терпение ее жителей. К 1948 году Лондон уже не горел, но еще не сиял. Улицы сохраняли запахи копоти и бензина, по закоулкам бродили тени погибших со времен «Блица», а рационирование стало невидимым дирижером британского быта: хлеб выдавался по нормам, куриные яйца напоминали о довоенной роскоши. Кофе был экзотикой. По тому, что человек пил растворимый Camp Coffee в бутылке с колониальной этикеткой, можно было определить, что он недавно вернулся из-за границы или же имеет крайне прогрессивные взгляды, если променял на это традиционный английский чай.

Нехватка еды объединила всех англичан под лозунгом Dig for Victory — «Копай ради победы». Тенистые сады и клумбы колледжей превратились в фермерские поля. Даже газоны Оксфорда засаживались капустой и горохом. То была практически сюрреалистическая овощная карти-

на кисти Джузеппе Арчимбольдо. Многовековой Оксфорд пытался балансировать между прежним величием и новыми порядками, и в ту пору только самые настойчивые духом и жадные до знаний могли перенести скудные условия размещения. За готическими арками скрывались не только стихи Милтона, но и сквозняки и овсянка без масла. Студенты ходили в шерстяных гетрах и пальто, топили камины в помещениях. В коридорах можно было встретить пижонов, ученых-французов, американцев и беженцев.

Но серый дым вылетал из студенческих общежитий и летел по стране дальше, по пути растворяясь в воздухе, пропитанном цветочными букетами оранжерей. Тьма не существовала без света. Послевоенные годы стали удивительным временем ботанического энтузиазма. Побег растений стали символом тяги к возрождению прежней жизни. Деревенские ярмарки становились местом народной любви и правом представить любимые георгины. Ботанические выставки в Лондоне собирали толпы неравнодушных, как раньше скачки или танцы. Пожалуй, это был тот срез времени, когда Англия решала для себя, в какую сторону ей двигаться: держаться за викторианскую стойкость или идти за модернистской мечтой. Уже фантазировали о нейлоне, тайком читали американские журналы, и, судя по воцарившимся мелодиям The Beatles, мини-юбкам и экспериментам с сознанием, Англия, кажется, выбрала второе. Но пройдет еще целое десяти-

летие, прежде чем на поверхность Кингс-Роуд выплывет желтая подводная лодка, а Мэри Кунт изобретет оружие массового освобождения.

Пятидесятые постепенно укрепляли дух свободы: через тедди-боев, дерущихся с морскими пехотинцами и презирующих сдержанность монархии; со сдвигами в литературе «Сердитых молодых людей» вроде Джона Осборна и Алана Силлитоу — детей рабочих, которым наскучил английский снобизм. Но пока еще можно было наслаждаться традиционной Англией, где в маленьких деревнях с одним пабом и двумя улицами спорили, можно ли повесить в читальне новый портрет королевы и пересаживать герань в августе. У булочницы были свои взгляды на приходского vicar, у vicar были свои догадки о том, кто вытаптывает клумбы у библиотеки. Однако все это никоим образом не нарушало сложившийся общественный порядок, основанный на традициях и репутации. Поэтому репутации спасали, рискуя жизнями и бессовестно пуская ложь в глаза. Автобус свингующего Лондона укатился в будущее, но жители до сих пор предпочитают пить чай в фарфоровых чашках и не отказываться от сбережения электричества, а значит, Англия, как и положено острову, выбрала оба берега. И если вы приедете в отдаленные уголки королевства, то можете насладиться жизнью, подобной той, что идет в вымышленном Литтл-Милфорде. Здесь вовсе не против прогресса, просто пусть он сначала покажет себя как следует где-нибудь в Лондоне.

ГЛАВА I

ЖЕНСКИЙ КЛУБ «ЛАВАНДА И ПЕРО»

В помещении, где заседал женский клуб «Лаванда и перо», то и дело раздавались кокетливый шепот и смешки. Их можно было ожидать от дам помоложе, но собравшимся читательницам, как и Аделаиде, было уже порядком за сорок. Как только шляпки склонялись друг к другу, до уха Аделаиды доносилась очередная острота про «смертельные розы». Она посильнее вдавила ручку в бумагу и каллиграфическим почерком вывела: *«С наилучшими пожеланиями от Аделаиды Уотерхейм»*.

— Не увлекайтесь сортом «памяти доктора Жамена», мистер Кроуфорд. — Едва взгляд упал на обложку с бутонами в брызгах крови, у Аделаиды вырвался вымученный смешок. — Как видите, он бывает опасен.

— Я предпочитаю чайный гибрид Peace¹. — Пожилой джентльмен сердечно поднес к груди

¹ Мир (англ.).

шляпу. — Хотя это и не совсем патриотично. Для моей жены Элейн, — добавил он. — Сама она прийти уже не может.

Лицо Аделаиды смягчилось.

— Мы все предпочитаем мир, мистер Кроуфорд, — улыбнулась она. — Так что вы не меньший патриот, чем я.

Под первой строкой Аделаида добавила несколько личных пожеланий для Элейн и протянула книгу. Затем взяла следующий экземпляр. Подумать только, даже черенки французской розы прятались от нападков войны в Италии и Турции, чтобы, когда придет время, прорасти любопытными лицами сквозь маску фашизма. К счастью, садовод Меян предвидел вторжение во Францию и отправил свое детище к друзьям. Аделаида меланхолично покачала головой. Может, в этом и крылся знак, что с миром еще не кончено, если новым розам судьба благоволила спастись и расцвести в уголках самых разных стран.

Аделаида раздраженно постукала пальцами по столу. Она-то превратила цветы в орудия убийства. И собственное факсимиле. И с двусмысленностью в этот раз явно переборщила. Назвала наследницу Арджентов Розой, еще и оставила возле ее тела алый букет. Неудивительно, что читатели почувствовали некоторое удушье. Аделаида мысленно выразила надежду на то, что Элейн Кроуфорд не страдает чем-то вроде астмы.

С легким чувством вины она занесла ручку, но в уютный аромат ванили, липового чая и старого картона вдруг ворвался бриз узнаваемых духов фирмы Boujouis. Аделаида с досадой повела носом и уткнулась в витиеватое заглавие «Последняя роза из Брамблхолла».

— Аделаида! — голос, пропитанный *Soir de Paris*, настойчиво вытянул ее обратно. — Моя дорогая! Неужели это та самая миссис Уотерхейм, которая написала роман «Белая лилия, черный яд»? Ведь я еще говорила Мюриэл: «Не может быть, чтобы наша Аделаида писала о ядах!»

Женщина присмотрелась к стопке свеженапечатанных изданий.

— И все еще пишешь про трупы в розах? Помню, как твоя мама рассказывала: «Наша Адди нашла с утра выпавшего птенца, похоронила его в розовых кустах! Прелесть что за дитя написала ему эпитафию».

— Все еще любишь экзотические украшения, Вайолет? — Аделаида не намеревалась вспоминать истории из своего детства, случившиеся, как сейчас казалось, в Викторианскую эпоху. С намеком на улыбку она уточнила: — Это винтаж?

— Семейная реликвия. — Вайолет Креншоу, великовозрастная дама, похожая на раритетную сахарницу, довольно поджала губы и погладила золотистую брошь в форме ананаса.

— И что Мюриэл сказала о ядах?

— «Цветы — это вздор! Настоящий яд нужно подавать в фарфоровой чашке, с комплиментом на краешке», — стыдливо хихикнула Вайолет.

— Что ж... — Аделаида откинулась на спинку стула, заметив, что очереди за книгами больше нет. — Мюриэл всегда была бóльшим знатоком, чем я. Она могла бы заработать состояние. Подзреваю, внутри нее растет аконит.

— Ах, Аделаида! — Вайолет всплеснула руками — Мюриэл до сих пор уверена, что ее старый садовник был агентом британской разведки! И только потому, что однажды он пришел без ка-лош! И, кстати, ты знала, что Генри и Агата, те самые, с пуделем и вычурной крышей, вновь переехали? На этот раз к родственникам в Бат! Якобы на время, но ты же знаешь, если Агата говорит «временно», это значит «навсегда» или «пока кто-нибудь не умрет и не оставит им наследство».

Аделаида ослабила шейный платок и не спеша посмотрела на пейзажи Кента за окном. Отсюда просматривались дачные домики вдоль железной дороги от Ашфорда до Кентберри, в заросших полях яблонь и слив. На заборах сушилось парусниками белье. Прямо перед витриной две женщины в выцветших платьях, пытаясь удерживать на руках детей, живо болтали, а на противоположной улице подростки пытались продать прохожим корзины с клубникой, которая, должно быть, еще распространяла запах мятной травы. Одна из женщин наклонилась поправить

чулок, и Аделаида заметила, что его удерживает прищепка.

— Нет, не слышала. — Она повернулась обратно. — Не все новости нашей многочисленной родни доходят до Суррея.

В душе Аделаида не преминула добавить: «К счастью».

— Какая жалость! — неверно истолковала ее слова Вайолет. — Такие маленькие расстояния, и так долго идут телеграммы! Хорошо, что ты встретила меня...

Вайолет Креншоу принялась рассказывать последние новости их общей родни в Йоркшире, но Аделаида слушала вполуха. Ее родственница принадлежала к последнему редуту традиций — дамам, которые почитывали за завтраком в саду журналы, не снимая перчаток, и верили, что мир спасут хорошее образование, прямая походка и серебряные ложки. Конечно же, сразу, как только в магазины вернут лимоны. Она мельком взглянула на столик с чаепитием. Для полноты картины среди пожилых жен докторов и вдов там не хватало пуделя с бантом. Аделаида усмехнулась: она могла бы увековечить эту компанию в своем новом романе, если бы была чуточку отважнее. И менее воспитанной.

— А ты все еще возглавляешь клуб? — Аделаида кивнула на столик, за которым дамы, получившие желанные автографы, обсуждали книгу.

Она надеялась, что книгу, а не оказавшееся поводом для бульварных насмешек назва-

ние. Не стоило ей рассуждать категорично, ведь и к ней на колени запрыгнул тот самый «пудель». Литературная публика посчитала, что Аделаида Уотерхейм щедро осыпала своих читателей тривиальными розовыми лепестками, а дерзкая и прогрессивная молодежь успела поменять название на «Последнюю занозу из Брамблхолла».

— Ну конечно! Я же секретарь художественной комиссии. — Вайолет выпятила грудь. — Впрочем, Герхард, я слышала, направляется к тебе в Литтл-Милфорд. Он тебе все расскажет.

— Герхард? — Прекрасно сохранившееся суровое лицо Аделаиды не изменило выражения. — Должно быть, ты что-то путаешь, Вайолет.

— О нет! Разве ты не слышала? Нелл Уинтер недавно рассталась с ним. — Миссис Креншоу округлила глаза. — Да еще эта неудачная стажировка в министерстве сельского хозяйства. Подумать только, такая кроткая птичка, как Нелл, не смогла выдержать нашего Герхарда и сбежала с каким-то сыном фабриканта. — Ее голос опустился до шепота: — Я слышала, его отец сколотил состояние во время войны, вот же... В общем, Герхард сейчас не в бодром расположении духа. — Вайолет склонилась, накрыв Аделаиду облаком «Вечера в Париже». — Если не сказать в раздрае. Поехал залечивать раны к любимой тете.

Аделаида выпуталась из душного индольного аромата и от неожиданности чуть было не спро-

сила, кто эта тетя. Она потуже затянула платок на шее и расправила твидовый костюм.

— В таком случае, — с вежливой улыбкой сказала Аделаида, побросав вещи в сумку, — мне следует поспешить обратно в Суррей и успеть принять Герхарда на чай.

— О, я думаю, он останется не только на чай, — заверила Вайолет.

— Не только? — Аделаида остановилась, вспомнив миссис Агату и ее мужа Генри, заехавших «на недельку» в Бат.

— Ты ведь не бросишь племянника в такое сложное для него время, Аделаида? — с трагичным видом удивилась Вайолет. — К тому же твои цветочные детективы продаются у нас, как булочки миссис Блай в пасхальное утро. Все-таки Кент — это сад Англии, — она горделиво усмехнулась, — разве что за исключением последней...

— Окажу племяннику посильную помощь. — Больше не улыбаясь, Аделаида взглянула на непроданную стопку «Последних роз». К сожалению, они были далеко не последними. — Мне действительно пора ехать.

— Да, позаботься о Герхарде! — слезно напутствовала Вайолет. — Уверена, такой презентабельный молодой человек произведет впечатление в деревне. Особенно на тех, у кого дочери на выданье. И возвращайся к нам с новым романом! Мы в клубе гадаем, — Вайолет вновь нескромно захихикала и обернулась на столик, —

остались ли еще в садах Британии не смертельно опасные цветы.

— Непременно. — Аделаида подхватила дорожный плащ, пытаясь мысленно пристроить название «Задушенный фиалками» хоть к какому-нибудь сюжету. — Передавай сердечный привет Мюриэл!

В холле к ней тут же подскочил помощник, отправленный издательством.

— Мистер Грейвз будет недоволен, что вы ушли раньше времени...

— Ты видишь в очереди страждущие лица, Кроув? — прервала его Аделаида. — Если да, то вызывай, пожалуйста, спирита.

— Но миссис Аделаида!

— И еще. — Аделаида повернулась и угрожающе зависла над юным помощником. — Мое пожелание для мистера Грейвза: в следующий раз на публичные выступления мы поедem в более удаленные места.

— Вы имеете в виду Ист Сассекс? — Кроув сделал пометку. — Хотите посетить Родмелл? — Он на секунду задумался. — Вы могли бы прочесть там «Шепот кувшинок».

— Что-нибудь более далекое, чем Ист Сассекс! — Аделаида помахала на прощание. — К примеру, Франция! Там у меня, кажется, еще нет родственников.

Аделаида Уотерхейм прославилась цветочными детективами в возрасте, когда ей уже пора было отмечать половину века, так что внимание